

Ли Ю закончила фразу и робко улыбнулась Су Цзинцюэ.

Её улыбка была такой мягкой, такой пробирающей до глубины души, такой чистой и безобидной, что воздвигнутая Су Цзинцюэ высокая стена обороны перед этим ребенком в одно мгновение рассыпалась в прах.

Пока Су Цзинцюэ пребывала в замешательстве, Ли Ю уже села рядом с ней.

Изначально Су Цзинцюэ сидела на кушетке слева от дивана, а господин Ли занимал главное место; они сидели по диагонали, и между ними оставалось достаточно пространства. Су Цзинцюэ чувствовала себя неловко, всё её тело было напряжено, но девушка, усевшись рядом, словно создала преграду между ней и господином Ли, перетянув на себя большую часть его внимания, и тело Су Цзинцюэ невольно расслабилось.

Су Цзинцюэ вспомнила бутылку воды, которую та ей протянула: ледяная влага, стекающая по горлу, принесла приятное облегчение, заставив каждую мышцу тела постепенно обмякнуть.

— Здравствуй, Юю, — вежливо улыбнулась Су Цзинцюэ.

Господин Ли не стал поправлять Ли Ю, лишь радостно рассмеялся:

— Похоже, наша Юю пришлась по душе госпоже Су?

— Угу, — кивнула Ли Ю, её голос прозвучал звонко. — Сестричка Су очень красивая.

Девушка произнесла это совершенно искренне.

Сидящий рядом господин Ли просиял еще сильнее:

— Моя Ю... — он запнулся, затем хлопнул по дивану и разразился понимающим смехом.

Даже испытывая нервозность, Ли Ю всё же не выбрала место рядом с господином Ли, а присела к ней, и теперь они вдвоем ютились на кушетке, совсем близко друг к другу.

Су Цзинцюэ не планировала налаживать отношения с дочерью господина Ли. Она всё время думала о том, что станет злой мачехой, лишь поддерживающей видимость гармонии перед господином Ли.

Су Цзинцюэ уловила слабый фруктовый аромат от волос девушки — запах свежего геля для душа после купания.

— Юю в этом году идет в выпускной класс?

— Угу.

— В Средней школе Хайчэн?

— Угу.

В такой ситуации Су Цзинцюэ, как собеседнице, следовало бы рассмеяться вместе с ним, чтобы создать видимость полного взаимопонимания. Су Цзинцюэ три года оттачивала навыки в компании, постепенно пробившись с позиции младшего стажера на четвертом курсе до директора департамента, и, конечно, прекрасно знала, как себя вести.

— Юю тоже очень красивая, — не зная почему, ответила Су Цзинцюэ на слова господина Ли.

Как старшие обычно заботятся о младших...? Су Цзинцюэ изо всех сил пыталась вспомнить, а затем, подбирая темы для светской беседы, обратилась к Ли Ю:

— Тяжело учиться?

И тут атмосфера необъяснимо стала неловкой.

Су Цзинцюэ думала о том, что через несколько лет сможет развестись и уйти, не имея никаких обязательств и не будучи ничем связанной. Но почему-то она не последовала примеру господина Ли и не рассмеялась. Ли Ю тоже молчала. Господин Ли, улыбка которого угасла, замолчал, и троицу окутала еще более густая неловкость.

В конце концов, господин Ли, словно ничего не произошло, мягко завел новую тему. На этот раз Су Цзинцюэ уже подыграла ему, включившись в разговор. Она полностью вошла в образ, примеряя на себя роль мачехи.

В душе Су Цзинцюэ возникло странное чувство, она едва сдержала непривычный румянец, заливший щеки. Опустив взгляд, она заметила, что пальцы Ли Ю слегка поджаты и впиваются в обивку дивана, а спина неестественно прямая.

Су Цзинцюэ внезапно осознала: Ли Ю тоже нервничает.

На любые вежливые вопросы Су Цзинцюэ та отвечала покорно и послушно, не добавляя ни слова от себя. Когда Су Цзинцюэ разговаривала с господином Ли, Ли Ю тихо слушала, не меняя осанки. Выражение лица девушки оставалось настолько неизменным, что она напоминала изысканную фарфоровую куклу.

Су Цзинцюэ уже знала от господина Ли, что его младшая дочь тихая и не любит разговаривать, но разве может быть *настолько* тихо?

Это из-за нервов?

Поддавшись внезапному импульсу, Су Цзинцюэ медленно протянула руку и положила её на тонкую талию Ли Ю, намереваясь похлопать, чтобы та расслабилась. Но едва коснувшись её, она почувствовала, как тело Ли Ю слегка вздрогнуло, из-за чего её собственная рука замерла в воздухе, не смея пошевелиться.

Затем Су Цзинцюэ почувствовала, как спина девушки постепенно подалась назад, слегка опираясь на её руку, и она наконец обмякла.

Время шло, дежурные фразы подходили к концу. Ли Ю вела себя слишком тихо, и Су Цзинцюэ не знала, о чем еще говорить. К счастью, в этот момент зазвонил телефон господина Ли. Извинившись, он поднялся и вышел в сад, чтобы ответить на звонок.

Су Цзинцюэ убрала руку с талии Ли Ю.

Ли Ю повернула голову, её глаза были ясными и послушными. Она была ниже Су Цзинцюэ, поэтому смотрела на неё снизу вверх, и Су Цзинцюэ могла отчетливо рассмотреть выражение её лица и изящные контуры щек.

Никто не произнес ни слова. В этой необъяснимой тишине они смотрели друг на друга пару секунд, после чего Ли Ю неожиданно потянулась и коснулась губ Су Цзинцюэ.

Пальцы девушки были ледяными.

Когда Су Цзинцюэ опомнилась, подушечка пальца Ли Ю уже испачкалась в помаде. Су Цзинцюэ с детства не любила близкого контакта с людьми, поэтому почти инстинктивно перехватила её руку, не понимая происходящего:

— Что ты делаешь?

В её тоне не осталось ни капли той любезности, что была при господине Ли.

— Я... — Ли Ю тихо проговорила, собираясь объясниться, но в этот момент господин Ли поспешно вошел в комнату. Его вид был встревоженным, и он не заметил их взаимодействия: — Госпожа Су, прошу прощения, у меня возникло срочное дело в компании, нужно отлучиться.

Пока господин Ли надевал пиджак, Су Цзинцюэ тут же выпустила руку Ли Ю, заметив, как та быстро спрятала свои пальцы за спину.

Господин Ли обернулся к дочери:

— Юю, покажи сестричке Су дом, будь умницей.

— Хорошо, — послушно ответила Ли Ю.

Су Цзинцюэ поднялась, чтобы проводить господина Ли. Вернувшись в гостиную, она увидела, что Ли Ю всё так же сидит на прежнем месте. Заметив Су Цзинцюэ, она сразу вскочила, сложив руки перед собой; её пальцы нервно переплелись.

Су Цзинцюэ потеряла переносицу, лишь сейчас ощутив навалившуюся усталость. Тошнота, которую она до этого насильно подавляла, вновь подступила к горлу. Когда Су Цзинцюэ подняла взгляд, Ли Ю бесшумно подошла ближе и остановилась прямо перед ней.

Девушка была на полголовы ниже Су Цзинцюэ. Она смотрела на неё снизу вверх ясными, робкими глазами и всё ещё молчала.

— Разве ты не собиралась показать мне дом? Чего застыла? — когда господина Ли не было дома, Су Цзинцюэ ленилась даже притворяться. К тому же в желудке всё переворачивалось, а голова кружилась — ей было по-настоящему плохо.

— Угу... — Ли Ю протянула руку, чтобы взять её за ладонь. Су Цзинцюэ невольно дернулась, но, почувствовав, как та мягко потянула её за рукав, и взглянув в эти послушные глаза, на мгновение смягчилась и не стала сопротивляться, позволив себя вести.

Су Цзинцюэ последовала за Ли Ю вглубь виллы, прошла через столовую, свернула за угол, где находился лифт. Поднявшись на третий этаж, Ли Ю шла впереди. Су Цзинцюэ, стоя рядом, опустила взгляд на её макушку, где торчал маленький естественный вихор — это выглядело довольно мило.

Ли Ю внезапно подняла голову, встретившись взглядом с Су Цзинцюэ, и растерянно моргнула. Су Цзинцюэ почему-то почувствовала себя неловко.

К счастью, двери лифта медленно открылись, и она, продолжая молча тянуть Су Цзинцюэ вперед, направилась по коридору. Там она наконец подала голос, в котором всё ещё слышалась робость:

— Там моя комната, а рядом — маленький кабинет и игровая.

Су Цзинцюэ равнодушно проследила за направлением её руки и кивнула:

— Угу.

Ли Ю указала на дверь напротив своей комнаты:

— А здесь гостевая. ...Но в ней еще никто не жил, — добавила она и завела Су Цзинцюэ внутрь. Даже гостевая комната была просторной: помимо большой кровати, там была целая стена со шкафами, Г-образный письменный стол с книжным стеллажом и проекционный экран напротив кровати. За окном виднелся маленький балкон с цветами, в комнате было очень

светло.

Су Цзинцюэ чувствовала себя ужасно и подумала, что было бы неплохо отдохнуть здесь, а экскурсию отложить на потом. Она устало опустилась на кровать, еще не успев ничего сказать, как Ли Ю понимающе прошептала:

— Сестричка Су, прилягте отдохнуть.

— М? — Су Цзинцюэ подняла взгляд и, наоборот, сама спросила: — Экскурсии не будет?

Ли Ю покачала головой и очень серьезно произнесла:

— Сестричка Су, ваши губы такие бледные, и там, на улице... — она запнулась и совсем тихо спросила: — Сестричка Су, вам нехорошо?

Су Цзинцюэ внезапно осознала: Ли Ю коснулась её губ, потому что заметила нездоровый цвет? Она опустила взгляд и увидела на кончиках пальцев девушки всё то же яркое пятно помады. Кажется, на своих губах она до сих пор ощущала холодное прикосновение.

Как странно.

— Угу, кажется, тепловой удар, — Су Цзинцюэ полулегла на кровать, подавляя в себе странное чувство мягкости, и лениво добавила: — Малышка, принеси мне теплой воды.

Ли Ю поспешно выбежала из комнаты. Су Цзинцюэ прислушивалась к её удаляющимся шагам, чувствуя, как сердцебиение становится неровным. Она давно не получала столько заботы, к тому же от ребенка — своей будущей падчерицы.

На душе почему-то стало грустно.

«Су Цзинцюэ, Су Цзинцюэ, а как же роль злой мачехи?» — почти прошептала она, глядя в потолок.

Она напомнила себе, что пришла сюда, чтобы стать стервозной мачехой, а не налаживать отношения с ребенком — в этом нет нужды.

Как другие злые мачехи издеваются над дочерьми? Су Цзинцюэ не знала. Но стоило вспомнить её собственную мачеху, как в душе тут же поднялось непреодолимое отвращение.

Что бы ни случилось, она не станет подражать *той* женщине.

Су Цзинцюэ начала припоминать, какими были злые мачехи в сериалах, и постепенно образ

стал вырисовываться.

Вскоре Ли Ю вернулась с чашкой воды, в левой руке она держала лекарство — настойку «Хосян Чжэнци».

— Тепленькая, — мягко сказала она.

Су Цзинцюэ не шелохнулась. Откинувшись на матрас в расслабленной позе, она злобно приподняла бровь и, когда Ли Ю приблизилась, с легким усилием схватила её за подбородок, охрипшим голосом произнеся:

— Малышка, если будешь такой послушной, тебя будут обижать.

Су Цзинцюэ показалось, что она идеально скопировала стервозный и язвительный тон настоящей мачехи. Сила сжатия пальцев была такой, что на светлой коже девушки почти проступили красные следы.

В чистых темных глазах девушки действительно промелькнула растерянность.

Су Цзинцюэ была довольна результатом своего «издевательства». Она уже собиралась отпустить её и сказать что-то еще, как отчетливо увидела, как по белоснежным щекам Ли Ю расползается пунцовый румянец, доходящий до самых кончиков ушей.

<http://bllate.org/book/21003/2135499>